

9. Шарабчиев Ю. Т. Организационные проблемы внедрения достижений медицинской науки в практику // Советское здравоохранение. — 1984. — № 4: С. 38-40.

10. Положение о порядке внедрения достижений науки и передового опыта работы в практику здравоохранения (утверждено приказом МЗ ССР от 30 декабря 1985 г. № 1695).

УДК 002.66:334-728

МОЖЕТ ЛИ ОРГАН НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ РАБОТАТЬ НА ХОЗРАСЧЕТЕ?

В. С. Лазарев

“Что за нелепая постановка вопроса? — скажет иной читатель, увидев название. — Хозрасчетных органов научной информации предостаточно, и за ними будущее”.

“Но какой орган? — может спросить другой читатель. — Если речь идет о низовом ОНТИ, то хозрасчет здесь невозможен. Об этом четко сказано в “Порядке применения основных положений постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 сентября 1987 г. № 1102 “О переводе на полный хозрасчет и самофинансирование” к организациям Государственной системы научно-технической информации при их переводе на полный хозяйственный расчет и самофинансирование” (1).

“А какой хозрасчет? — может возразить третий собеседник. — Если полный, то низовой ОНТИ по юридическим причинам перейти на него не в состоянии. Но существует же еще хозрасчет неполный (формальный), внутренний (внутрипроизводственный) и так далее. Говорят и об “элементах хозрасчета”.

“Нелегко представить себе “элементы хозрасчета”, — пишет И. Лукашев в журнале “Библиотекарь” (2). — Хозрасчет должен быть либо полным, либо он вообще отсутствует”. А А. Г. Ковалев (3) утверждает, что нереализованность какого-либо из принципов хозрасчета “означает не что иное как отсутствие хозрасчета”, хотя и допускает наличие форм “внутрихозяйственного хозрасчета” (3).

“Ну, это уже не хозрасчет, — мог бы возразить на это еще один участник нашего воображаемого разговора. — О. И. Воверене не один год занималась этой проблемой и пришла к выводу, что в контексте “внутрихозяйственного расчета” в ОНТИ термин “хозрасчет” ... носит ... условный характер; более правильным был бы

термин “самоокупаемость на хоздоговорных началах” (4). Термин “хозрасчет”, по мнению О. И. Воверие, “прижился” к данному контексту просто вследствие популярности этого слова (4).

Как видим, спектр возможных мнений по, казалось бы, решенному вопросу может быть достаточно широким. Поэтому, как ни парадоксально (ведь “хозрасчетных”-то органов НТИ уже предостаточно!), считать неуместным обсуждение вопроса, вынесенного в название этих полемических заметок, было бы, по меньшей мере, преждевременно.

Дело, однако же, не только в терминологии или в юридических проблемах, препятствующих переходу на полный хозрасчет низовых ОНТИ. Дело в том, что при наличии немалого числа публикаций о практике работы органов НТИ “на хозрасчете” и публикаций со всевозможными предложениями по данному вопросу (4—9), на теоретическом уровне данный вопрос бесконечно далек от решения. Публикации о феномене “информационного продукта” в политической экономии единичны (10,11), их авторами являются не профессиональные экономисты, причем последние, предпочитая обсуждать механизмы ценообразования на информационные “продукты” и услуги (12,13), не участвуют в решении ключевого вопроса хозрасчета в ОНТИ — определения сущности феномена информации в политической экономии. Между тем, до появления публикаций (10,11) вопрос этот практически не обсуждался.

Переход на хозрасчет (при выполнении прочих необходимых условий) предполагает экономическую грамотность лица, принявшего решение о данном переходе. Но откуда ей взяться, если только по вопросу о ценообразовании на основании прочтения трех специальных публикаций могут быть сделаны три взаимоисключающих вывода: в основе договорной цены лежат себестоимость (13), товарная стоимость (14), потребительная стоимость (11). При этом товарная стоимость может быть однозначно определена лишь для “рутинных” работ, имеющих многочисленные прецеденты (14), а гипотеза Ю. А. Шрейдера о том, что в “информационной экономике” решающую роль играет потребительная, а не трудовая стоимость продукта” (11), будучи аргументированной весьма изящно, объективно как бы оправдывает бесчисленные “ценоизращения” научно-информационных “продуктов” и услуг (12). В принципе, они сегодня и неизбежны, т. к. “отечественный информационный рынок только формируется, что влечет в ряде случаев монопольное установление цен”, причем в отсутствие реального рынка, “дого-

ворная цена, на которой базируется хозрасчет ..., будет расти вне всякой связи с качеством продукции и объемом предоставленных услуг” (15). Но от понимания “объективности” данных процессов никому не легче; и, отказываясь из-за непомерной цены от жизненно важной информации (как отказались мы от услуг ЦНИИатоминформ при научно-информационном обслуживании программы С. 27), потребитель может иметь все основания спросить: “А зачем мне такой хозрасчет?”

Более правильным был бы, по-видимому, вопрос: “А хозрасчет ли это?” Ведь если основой хозрасчета является договорная цена (15), что же является основой последней — себестоимость, товарная стоимость или потребительная стоимость (в условиях неразвитого рынка читай “произвол монополиста”) (11, 13, 14); если политическая экономия (силами отнюдь не экономистов) только-только начинает подбираться к вопросу о феномене “информационного продукта” и его стоимостных оценок (10, 11); если в силу этого Ю. А. Шрейдер при подходе к проблеме стоимостных оценок вынужден по существу полемизировать с Марксом (11); если определения хозрасчета неизменно включают в себя слово “предприятие” (16, 17), что предполагает производство материальных, а не информационных продуктов, то не слишком ли большой крамолой будет вывод о том, что нечто, именуемое хозрасчетом в работе органов НТИ, таковым не является? Следовательно, вопрос, вынесенный в заглавие заметок, правомочен и требует обсуждения.

Рассмотрим определения и общие принципы хозрасчета, приведенные в работе А. Г. Ковалева (3). По А. Г. Ковалеву, хозрасчет в качестве экономической категории является одной из форм “реализации отношений собственности на средства производства, предусматривающей соизмерение результатов хозяйственной деятельности с соответствующими затратами в целях превышения результатов над затратами” (3); в качестве же способа хозяйствования он определяется как “основной метод ориентации коллективных, групповых и индивидуальных интересов трудящихся на достижение определяемых планами экономического и социального развития страны общегосударственных целей с минимальными совокупными затратами используемых при этом ресурсов” (3). При этом отмечается, что “хозяйственный расчет служит ориентации как материальных, так и правовых и социально-психологических интересов” (3).

Принципы хозрасчета включают:

- 1) оперативно-хозяйственная самостоятельность в выборе путей достижения плановых целей;
- 2) рентабельность производства;
- 3) материальное стимулирование результатов труда;
- 4) материальная (имущественная) ответственность за конечные результаты хозяйствования;
- 5) финансовый контроль;
- 6) участие трудящихся в управлении производством (3).

Обратим внимание: в двух из шести формулировок повторяется слово "производство". Что же производит орган НИИ? Лишь немногие аналитические обзоры "высшего класса" содержат новое знание, а не просто подытоживают старое. Производится ли новое знание сотрудниками НИИ? Как правило, нет. Поскольку "один и тот же информационный продукт может быть представлен с помощью различных материальных продуктов, допускающих использование информационного продукта по разным назначениям" (10) значительная доля НИИ приходится, грубо говоря, "на расфасовку и переработку" материальных форм одного и того же "информационного продукта". Можно ли это считать производством? Вразумительного ответа пока нет.

Связывая первый принцип хозрасчета с НИИ, необходимо уяснить, что же является "плановой целью" НИИ. Достижение неких контрольных цифр, взятых "с погоня" или "от достигнутого", нельзя считать таковой, т. к. подобное планирование замыкает работу сотрудников НИИ на достижение формальных показателей вне зависимости от стимулирования ими научного прогресса в деятельности абонентов (18). Это общеизвестно, равно как и то, что научных основ планирования НИИ теорией научной информатики не выработано. Если же плановой целью считать такую "сверхзадачу" НИИ, как содействие научному прогрессу, то в этой формулировке нет ни специфики НИИ, ни подходов к способам количественной оценки ее достижения.

Принято также говорить о необходимости полного, оперативного, с наименьшими трудовыми затратами (и т. д.) обеспечения абонентов необходимой информацией (документами). Но и эти общеизвестные формулировки нуждаются в уточнениях и . . . не поддаются им. Так, например, что такое "необходимая информация"? О. Е. Бурый-Шмарьян считает, что объем необходимой информации может быть в принципе определен

се пользователем (19), другие авторы справедливо говорят о необходимости воспитания информационных потребностей (20). Общеизвестно, что при смене тактики исследований (особенно при выходе их на стык дисциплин) специалист часто не осознает значительной доли своих информационных потребностей и нуждается в очень широком спектре научной информации, в то время как при выполнении НИР по хорошо известной проблематике он может ограничиваться ознакомлением с немногими важнейшими работами, выходящими в свет по проблеме. Таким образом, “необходимая информация” может быть полной или важнейшей (но где количественные критерии априорного определения ее ценности?), субъективно или объективно необходимой, желаемой или навязанной ... Не поддается формализации принцип pertinентности, а сама pertinентность не может быть адекватно оценена “информационным посредником” до использования научной информации абонентом (21). Все это приводит к выводу о том, что первый принцип хозрасчета может быть лишь “привязан” к НИД, но отнюдь не вписывается в нее органично.

Примерно такие же проблемы возникают и со взаимоувязкой НИД со вторым принципом хозрасчета. Отвлекаясь даже от “производства”, мы считаем, что на сегодняшний день они практически неразрешимы, поскольку отсутствует приемлемая методика оценки рентабельности работы ОНТИ: при наличии сотен, если не тысяч работ, посвященных оценке эффективности научно-информационного обслуживания (22), доступной и общепринятой методики нет.

ОНТИ передает информацию из сферы науки в сферу науки, техники, производства. Цепочка может быть одноступенчатой (“наука — ОНТИ — наука” или “наука — ОНТИ — производство”), а может быть и многоступенчатой (например, “наука — ОНТИ — наука — техника — производство”). Можно представить себе сколь угодно длинные цепочки передачи преобразованной информации в научную и практическую деятельность с помощью ОНТИ, но очевидно одно — конечный эффект НИД лежит вне самой ее сферы. И по этой причине его точное определение затруднено, если вообще возможно, тем более в денежном исчислении (23). Использование же таких показателей, как “повышение качества изделий, снижение их себестоимости... как результат использования информации, добытой службой НТИ” (24), весьма затруднительно. При этом почти невыполнимой задачей оказывается выявление вклада именно “информационных посредников” в до-

стижение конечного результата (23). И если можно допустить налаженный контроль за динамикой данных показателей со стороны ОНТИ предприятия, то уже совсем невероятным представляется подобное, к примеру, для союзного отраслевого органа НТИ. При этом нерешенность проблемы оценки эффективности НИД объясняется, по нашему мнению, не столько ненормальными экономическими отношениями (или отсутствием хозрасчета), сколько тем, что сущность НИД на теоретическом уровне не раскрыта (что следует, в частности, из обсуждения применимости к НИД первого принципа хозрасчета).

Третий принцип хозрасчета представляется на первый взгляд вполне применимым к деятельности ОНТИ. Вопрос лишь в том, относится ли он в случае с ОНТИ именно к результатам труда. Мы уже говорили, что путем договорных цен на некоторые услуги сотрудники ОНТИ могут улучшить свое материальное положение несоразмерно с затрачиваемыми на эти услуги усилиями (15), но проблема заключается не в этом. Коль скоро конечный результат НИД проявляется в сопряженных системах (наука, техника, производство), то при сложности "цепочек" и длительности передачи по ним перерабатываемой информации сотрудник ОНТИ может никогда не узнать о конечном результате своей деятельности. Более того, возможность материального стимулирования в ОНТИ может относиться, согласно определениям А. Г. Ковалева, не к труду, а к работе, т.к. "работа" есть "труд" только тогда, когда реализация совокупности физических, профессиональных и творческих способностей человек приводит к производству... материальных благ и услуг" (3). С этих позиций любой вид деятельности "информационного посредника" есть "труд"? Рассмотрим такую ситуацию. Сотрудник ОНТИ негосударственного научно-исследовательского учреждения в рамках увеличения объема работ занимается, помимо основных обязанностей, ведением ГСК (за что и получает соответствующую надбавку к окладу).

В литературе описан случай, когда при трудозатратах на ведение ГСК в 164 человека-часа в месяц к ней обращаются менее 10 раз за тот же срок (...5). В цитируемой статье такая работа трактуется как бесполезная. А если при этом ГСК ведется еще и в ОНТИ головного НИИ союзного подчинения или в отраслевой республиканской НТБ или в РИНТИ, вопрос в том, получает ли сотрудник плату за результат труда или за работу, оказывается риторическим. С другой стороны, не исключено, что при смене тематики исследований в

организации произойдет “шквал” обращений к ГСК, которые позволят исполнителям вновь запланированных тем сэкономить столько своего рабочего времени и рабочего времени ОНТИ, которое было бы затрачено на проведение ретроспективного поиска, что все трудозатраты на ведение ГСК окажутся более чем оправданными. Но как определить в момент завершения процесса, был он “работой” или “трудом”? Ответа нет — и опять же потому, что конечный результат НИД лежит вне ее сферы. Но экономисты не спешат исследовать эти вопросы...

По той же причине представляется трудноприменимым и четвертый принцип хозрасчета (имущественная ответственность за результаты труда). Если “информационный посредник” может средствами наукометрии выявить печальное состояние дел в обслуживаемой им сфере и перестроить в соответствии с этим всю работу, то думать за нерадивого абонента он не может. Это осложняется (о чем говорилось выше) отсутствием простых и достоверных методик количественного определения ценности научного документа до его использования абонентом.

Что до финансового контроля (принцип пятый), то он предполагает возможность денежного исчисления стоимости (в том числе потребительной) создаваемого “продукта” (услуг) и их экономической эффективности. Обе эти проблемы, как мы показали выше, чрезвычайно далеки от решения. Будет ли эффективным финансовый контроль за деятельностью, которую мы по большому счету не умеем выражать в рублях?

Последний принцип — участие трудящихся в управлении производством — применим к органам НТИ. Но можно ли считать производством их деятельность?

Мы уже упоминали точку зрения А. Г. Ковалева: нереализация или не полная реализация какого-либо из принципов хозрасчета означает отсутствие хозрасчета. Но в таком случае, если хотя бы часть наших рассуждений справедлива, приходится делать вывод, что хозрасчет (как ни парадоксально!) не может быть экономической основой деятельности органов НТИ.

“Смелый вывод из отнюдь не бесспорных посылок,” — скажет читатель и будет прав. Однако попробуем хоть как-то верифицировать данный вывод, вновь обратившись к единственным известным работам о феномене “информационного продукта” и его стоимостных оценках (10). Это необходимо еще и потому, что при раскрытии принципов хозрасчета А. Г. Ковалев иллюстрирует свои рассужде-

ния об “информационном” продукте примерами из сферы материального производства (3).

Отличия “информационного продукта” от материального, по Г. Т. Артамонову, заключаются в том, что “информационный продукт может одновременно использоваться в нескольких процессах производства или потребления, протекающих в разных местах”, а материальный — одновременно (10). На наш взгляд, это подтверждает невозможность обоснованной оценки экономической эффективности органа НТИ по продвижению информации к пользователю: ОНТИ занят не продажей лицензий конкретной организации (что позволяет научной информации непосредственно участвовать в документально зафиксированных процессах воспроизводства, причем только там, где куплена лицензия), а передачей научных документов, использование большей части которых влияет на указанный процесс лишь косвенно, что не только не позволяет определить долю участия “посредника” в этом процессе (23), но и приводит к возникновению таких ситуаций, когда посредник и не узнает об этом своем участии. Тот же вывод, на наш взгляд, следует и из отмеченного Ю. А. Шрейдером (11) свойства неуничтожаемости “информационного продукта”.

Далее, “один и тот же информационный продукт может быть представлен с помощью различных материальных продуктов, допускающих использование информационного продукта по разным назначениям” (10). На наш взгляд, именно благодаря этому свойству и стало возможным появление большого количества “хозрасчетных” органов НТИ, представляющих по договорным ценам различные научно-информационные издания и услуги, содержащие не вновь созданную информацию, а более удобно “расфасованную” известную информацию. Ясно, однако, что экономические механизмы “классического хозрасчета” здесь ни при чем.

“Рождение каждого материального продукта вызывает появление информационного продукта, в то же время рождение далеко не каждого информационного продукта непосредственно приводит к появлению материального продукта” (10). Из этого опять-таки можно сделать вывод о сверхсложности объективных оценок эффективности и рентабельности не только по передаче этих информационных продуктов, но и по их производству.

“Специфика информационного производства ... требует серьезного изучения законов его движения и развития в процессе расширенного воспроизводства. Попытки механически перенести методы

политической экономики, изучающей материальное производство, на информационное производство, не могут дать правильное решение проблемы” (10). Его пытается найти Ю. А. Шрейдер (11).

“В модели Маркса, — пишет он (11), — потребительная стоимость продукции проявляется в спросе на нее, а в самой продукции (как товаре) воплощается стоимость, выраженная общественно необходимым временем (трудовыми затратами) на ее производство”. Но поскольку, по Ю. А. Шрейдеру, “в условиях информатизации общественно необходимое время на производство продукции существенно зависит от получения новых знаний”, то “в стоимость информационного продукта входит представляемая им свобода выбора”, имеющая максимум альтернатив (11). “Важный компонент потребительной стоимости информационных продуктов — это уменьшение трудозатрат следующего производственного цикла” (11). Если речь идет о свободе выбора уменьшения этих затрат (продуктов, используемых для такого уменьшения), то “информационные продукты имеют не объективную стоимость, а ... ситуативную” (11). Следовательно, “в информационной экономике” решающую роль играет потребительная, а не трудовая стоимость продукта, ибо понятие общественно необходимых затрат труда для обеспечения свободы выбора в конкретной ситуации становится слишком неопределенным” (11). Этот вывод, по мнению самого Ю. А. Шрейдера, не более чем гипотеза. Однако, признав ее правомочность, мы неизбежно приходим к тому, что если “дополнительная свобода выбора не дает способа количественной оценки стоимости” (11), то “хозрасчет” может оказаться “построенным” только на произвольных договорных ценах. Но хозрасчет ли это? Если да, то необходимо менять многие представления о нем ради шанса умирить “информационным голодом” серьезных, но неплатежеспособных (в фундаментальной науке это часто норма, а не исключение) специалистов.

С другой стороны, в традиционных моделях определения экономической эффективности НИД, отвергнутых еще А. В. Влекум (23), делались попытки учесть время, сэкономленное абонентами информационных услуг, за счет отказа от самостоятельного поиска ими научной информации. При всей примитивности и явной односторонности такого подхода он предполагал количественную оценку экономики. В подходе же Шрейдера (11) этого нет. И с этих позиций, быть может, уместно говорить и о шаге назад?

Из всего вышеизложенного ясно, по крайней мере, следующее: — “классическое” представление о хозрасчете не соответствует реалиям хозрасчетных органов НТИ и не может служить основой их деятельности;

— новой модели “хозрасчета” для научно-информационной деятельности еще не создано.

Следовательно, применение термина “хозрасчет” к НИД по меньшей мере терминологически некорректно. Следует использовать терминологию О. И. Воверене “самоокупаемость на хоздоговорных началах” (4).

А если так, то на сегодняшнем уровне знаний об “информационной экономике” ответ на вопрос, поставленный в названии статьи, должен быть, строго говоря, отрицательным.

Но действительно ли будущее за органами НТИ, самоокупающимися и самофинансирующимися на хоздоговорных началах? Мы далеко не убеждены в этом, но ограниченный объем статьи не позволяет нам обсуждать эту проблему. Помимо угрозы “информационного голода” упомянем лишь о том, что в США “спонсором” создания крупнейших АСНТИ является государство, и окупаются такие системы годами и десятилетиями.

Обсуждая проблему, мы умышленно абстрагировались от ее “привязки” к уровням научно-информационного обслуживания. Между тем, коль скоро полный хозрасчет в низовых органах НТИ невозможен и по юридическим причинам (1), следовало бы рассмотреть вопрос о возможности использования в них так называемого “внутрихозяйственного расчета”. Однако, признавая наличие разнообразных его форм (3), А. Г. Ковалев относит их к неполным, т. е. не включающим в себя реализацию всех принципов хозрасчета, и указывает, что подобные формы не могут быть признаны хозрасчетом (3). Следовательно, проблема “хозрасчета” в низовых ОНТИ еще дальше от решения, нежели в ОНТИ, находящихся на самостоятельном балансе.

Более плодотворной представляется простенькая и полузабытая идея о финансировании деятельности низовых ОНТИ за счет отчислений из средств обслуживаемых ими НИОКР по определенной квоте. При этом исполнители НИОКР, естественно, не пойдут на эти отчисления, если научно-информационного обслуживания им не требуется. Этот “примитивный”, но вполне действенный механизм финансирования не только стимулирует эффективность деятельности ОНТИ, но избавляет его от неизбежного при

“внутрихозяйственном расчете” кропотливейшего учета каждой заполненной или выданной карточки, т. е. заставляет решать дилемму “работать или учитывать” в пользу “работать”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Порядок применения основных положений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 сентября 1987 г. № 1102 “О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование” к организациям Государственной системы научно-технической информации при их переводе на полный хозяйственный расчет и самофинансирование: Утв. постановлением Гос. комитета СССР по науке и технике от 16 авг. 1988 г., № 297. — Б. м., б. г. — 6 с.

2. Лукашев И. Еще одна альтернатива // Библиотекарь. — 1988. — № 11. — С. 42.

3. Ковалев А. Г. Роль хозяйственного расчета в формировании инновационной обстановки в трудовых коллективах. — М., 1989. — 130 с. — (Медицина и здравоохранение: Обзор. информ. Серия: Обзоры по важнейшим проблемам здравоохранения и медицины / НПО “Союзмединформ”. Вып. 1).

4. Воверене О. И. Хозрасчет — основа повышения эффективности информационного обеспечения НИР и ОКР // Пути повышения эффективности использования научно-информационного потенциала медицинской науки и практического здравоохранения: Тез. респ. науч. конф. (г. Полтава, 15—16 сент. 1988 г.) / Респ. центр науч.-мед. информ. и др. — Киев, 1988. — С. 28—30.

5. Герасимов Б. М. Об использовании хозяйственного механизма для активизации системы межотраслевого обмена // НТИ. Сер. 1. — 1987. — № 3. — С. 19—20.

6. Ривкин В. Л. О внедрении элементов хозяйственного расчета в работу информационного подразделения головного НИИ медицинского профиля: (Письмо в редакцию) // НТИ. Сер. 1. — 1988. — № 1. — С. 31.

7. Герасимов Б. М., Котов Г. П. Хозрасчет и система межотраслевого обмена научно-техническими достижениями // НТИ. Сер. 1. — 1988. — № 2. — С. 28—30.

8. Бурый-Шмарьян О. Е. Хозяйственный расчет в службах научно-технической информации // НТИ. Сер. 1. — 1989. № 1. — С. 10—18.

9. Бурый-Шмарьян О. Е. Хозяйственный расчет в службах научно-технической информации: Окончание // НТИ. Сер. 1. — 1989. — № 2. — С. 13—22.

10. Артаменов Г. Т. Феномен информации в политической экономике // НТИ. Сер. 1. — 1989. — № 4. — С. 2—5.

11. Шрейдер Ю. А. О феномене информационного продукта // НТИ. Сер. 1. — 1989. — № 11. — С. 21—24.

12. Золотарев М. Г. О ценах на научно-информационные услуги // НТИ. Сер. 1. — 1989. — № 4. — С. 14—15, 27.

13. Тьлькович М. В. Определение договорных цен на информационную продукцию (услуги) // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1989. — № 9. — С. 21—25.

14. Мшевелидзе А. И. Нужны ли нормативные документы органам научно-технической информации? // НТИ. Сер. 1. — 1989. — № 4. — С. 28—29.

15. Гатченко А. Е., Гайсинский Э. Т., Передерий П. М. Информатизация: хозрасчет и интересы общества // НТИ. Сер. 1. — 1990. — № 1. — С. 12—14.

16. Политическая экономия: Словарь. — 3-е изд. доп. / Под ред. М. И. Волкова, А. Д. Смирнова, И. П. Фоминского. — М.: Политиздат, 1983. — 527 с.

17. Краткий экономический словарь. — М.: Политиздат, 1987. — С. 364.

18. Блек А. В. Новый подход к оценке перспективности использования зон рассеяния информации по Брэдфорду // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Сб. науч. тр. — Л., 1972. — Вып. 7, ч. 1. — С. 76—80.

19. Бурый-Шмарьян О. Е. Сколько научно-технической информации нужно специалисту? // НТИ. Сер. 1. — 1987. — № 5. — С. 6—13.

20. Шехурин Д. Е. Информационные потребности и их воспитание // Воспитательные функции научно-технических библиотек: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. — Л., 1981. — С. 3—21.

21. Блек А. В. Информационное обеспечение научных исследований (на примере физиологии). — Л.: Наука, 1974. — С. 34—36.

22. Воверене О. И. Эффективность информационно-библиотечного обслуживания в научно-исследовательских институтах и проектно-конструкторских бюро // Knygotyra 11(18). "sag: Siolakines

bibliografinio-informacinio grupinio problemas. — 1985. — С. 16—31.

23. Блек А. В. О мнимой точности подсчетов эффективности научно-технической информации // НТИ. Сер. 1. — 1973. — № 2. — С. 43—44.

24. Шехурин Д. Е. О перестройке в органах научно-технической информации // НТИ. Сер. 1. — 1988. — № 4. — С. 5—12.

25. Моргенштейн И. Г. Справочно-библиографический аппарат библиотек: (теоретический анализ) // Сов. библиография. — 1982. — № 2. — С. 22—32.

26. Проспект информационных услуг по хозяйственным договорам на 1990 г. / Центр. НИИ информ. и технико-экономич. исслед. по атомной науке и технике. — М., 1989. — 54 с.

27. Соловьева Д. А., Идрисова Р. А. Научно-техническая библиотека в новых условиях хозяйствования // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1988. — № 7. — С. 3—8.

УДК 002.5:334.728

О ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РАБОТЕ ОРГАНА НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

В. С. Лазарев

Независимо от того, справедлив или ошибочен основной вывод предыдущей статьи (1), так называемая “хозрасчетная” научно-информационная деятельность порождает массу частных, “технических” проблем как для исполнителей, так и для пользователей. В данной статье мы попытаемся охарактеризовать некоторые проблемы, встающие как перед органом НТИ, так и перед его пользователями, вследствие перехода ОНТИ на самоокупаемость на договорных началах (в традиционной и, по-видимому, неверной (1) терминологии — на “хозрасчет”).

1. Диктат “договорных” цен. До недавнего времени наш институт^х бесплатно получал информационно-библиографический бюл-

^х НИИ гематологии и переливания крови